

Золушка

из коммунальной квартиры

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

— Муж меня ревновал к каждому встречному, даже к зрителям! А тут еще наш общий знакомый как-то сказал Артуру, что я — очень сексуальная женщина, так всю последующую совместную жизнь он ел меня за это поедом. А потом еще и сплетни пошли (после фильма "Родная кровь"), что моя дочь Криста — от Евгения Матвеева. Но все равно нам было хорошо вместе! Страсть постепенно переросла в тихую близость, и долгие годы мы были друг для друга одиозной. Вечерами, придя домой, сядем на кухне, выпьем по рюмочке и рассказываем, кто что за день наворотил... Я долго не могла прийти в себя, когда Артура не стало.

— Как складывались ваши взаимоотношения с мужчинами?

— К мужчинам я неравнодушна. Я считаю, что, если бы было наоборот, это было бы противоестественным. Однако, как ни странно, самыми лучшими друзьями в моей жизни были женщины, больше всего самых теплых слов я получала именно от них.

— Для советской актрисы вы слишком рано стали "Народной".

— Это тем удивительнее, что я была актрисой национальной, да еще сценической. Наверное, помогли картины с моим участием. Этим званием я обязана своим зрителям. В Латвии меня никто бы не выдвинул. Я позже

узнала, что люди из многих республик писали в Москву и удивлялись, почему мне до сих пор еще не присвоили звания народной артистки СССР?

— Ваша героиня в фильме "Театр" частенько ловит себя на мысли, что подчас путает, где у нее настоящая жизнь, а где театр, где она — женщина, а где — актриса. С вами такого не случалось?

— С актерами, думаю, такое бывает нередко. У меня, во всяком случае, иногда возникает ощущение, что ту или иную жизненную ситуацию я уже переживала. Начинаешь вспоминать — оказывается, это было совсем не в жизни, а в одной из своих ролей. Актерство очень образно. Оно тесно переплетено с жизнью. И там и там многое построено на ассоциациях. Помню, когда я играла Соню в

фильме "Родная кровь", то чувствовала, что эта история — точный вариант "Ромео и Джульетты". Только действие происходит в другую эпоху. Замечу, что пять лет назад мы в своем театре поставили "Ромео и Джульетту", где я играю роль кормилицы. Вот так, в 1956 году играла Джульетту, а теперь...

Кстати, с Соней — моей героиней в "Родной крови" выходило немало историй в жизни. Однажды прилетаю в Киев. Спускаюсь в аэропорту по лестнице, которую моет уборщица. А на мне кружевные гольфики и белые туфельки. Я остановилась и не знаю, в какую сторону она сейчас повернет со своей тряпкой. А она увидела красивые гольфы и туфельки и как закричит: "Ну чего стоишь, как столб?" Я ей тихо говорю: "Я не знаю, куда мне идти!" Она услышала мой голос с акцентом, подняла голову, посмотрела на меня — и вдруг так ласково говорит: "Здравствуй, Сонечка!" Это получилось так неожиданно и искренне...

— Еще одним вашим "знаковым" фильмом стал "Никто не хотел умирать" Жалаквичюса.

— С ним получилась кошмарная история. У меня во время съемок была маленькая дочь — два с половиной месяца. Жалаквичюс уже сменил вторую актрису, когда пригласил меня. Так что мне пришлось ездить на съемки прямо с малышкой. Помню, несмотря на все сложности, я была на подъеме. Знаете, женщина после родов меняется. Бывает, некоторые становятся легкоранимыми, раздражительными. А у меня, помню, была прекрасная пора...

— Чем занимаются ваши дети — не пошли ли по стопам отца и матери?

— Они занимаются творчеством. Сын Каспар писал песни, стихи, пел их, как бард, под гитару, у него прекрасное чувство юмора, и он хорошо рисует. Так же как и его сводный брат — от первого брака Артура — Юрис Димитерс. Наша дочь Криста — тоже художница.

— Как-то вы обмолвились в одном интервью, что ваш сын Каспар стал лютеранским священником...

— Наверное, он обратился к Богу по зову свыше. Он ведь прошел через многие очень серьезные ситуации, связанные с

мирскими искушениями и вредными привычками. Даже чуть было не потерял жизнь — но я не хочу об этом вспоминать. И после того, как оказался на пороге смерти, абсолютно изменился. Такая у него судьба.

— Чувствуете ли вы себя бабушкой?

— Безумно счастлива, что у меня есть внуки. Правда, с детьми Каспара я вижу редко — они живут в приходе. А вот с дочкой Кристи мы день и ночь вместе. Я вожу ее в театр, она уже смотрит спектакли для взрослых. А ведь она еще только подросток. Однажды после спектакля она попросила отвести ее на сцену: "Хочу посмотреть, что там, за занавесом". Может быть, с этого у нее и начнется путь в искусство?

— Наши государства стали независимыми друг от друга, а вы для нас теперь — заграничная актриса. Как вам живется в суверенной Латвии?

— Я вообще не понимаю, как можно творческому человеку жить обособленно — ограничившись территорией своего государства? Я, например, как-то подсчитала, что за свою творческую биографию побывала в 46 странах мира. А уж бывший Советский Союз извездила вдоль и поперек. Этот опыт общения, наблюдения мне много давали для моей актерской работы. Да можем ли мы отделиться от наших друзей и коллег, от наших зрителей? Нет, границы — это для политиков, а мы нужны друг другу.

— Одно время газеты писали о ваших жилищных неурядицах. Разрешились ли они?

— Так получилось, что, спустя много лет, у дома, в котором я жила, нашлись хозяева, его бывшие владельцы. Для меня наступили очень трудные времена: я вынуждена была круглый год — и зимой и летом — жить на даче. Трехкомнатная квартира в Риге обходится в 60 лет в месяц и выше. В долларовом эквиваленте получается до двухсот долларов. Средняя пенсия в два раза меньше... Таким образом, пришлось снова вернуться к тому, с чего я и начинала, — к земле, к крестьянскому труду. Сейчас, слава богу, эта проблема разрешилась, я обустроена, но уже боюсь об этом рассказывать, чтобы опять чего-нибудь не произошло.